

Введение в четвертую книгу, так же, как и вступление к предыдущей, представляет собою краткий перечень главных событий политической истории соответствующей эпохи, но не выясняет смысла этих событий. Недостатки изложения в четвертой книге чувствуются особенно сильно. На страницах, посвященных Вавилонии и Ассирии в конце II тысячелетия (стр. 223 сл.), или Ассирии от 890 до 824 г. до н. э. (стр. 236 сл.), или «апогею и падению Ассирии» (гл. III) и др., не дается никакой общей картины государств в эти периоды, общих выводов, каких-нибудь характерных черт эпохи, зато тщательно перечисляются мелкие факты военной истории. Отсутствует очерк культуры Ванского царства. Мы узнаем лишь о захвате города Мусасира Саргоном II в 714 г. до н. э. (стр. 251) или о том, что царь Руса «плетет интриги» и «умирает с отчаяния» (там же). Между тем, рост и культурное влияние Ванского царства, несомненно, заслуживают большего внимания, чем тот факт, что Таркулара, правитель Маркази (Мараша), был убит при Саргоне своим сыном Муталлу, а Муталлу из Куммуху пытался свергнуть иго ассириян и т. д. (стр. 254). Нет последовательного, хотя бы и сжатого, очерка политической истории Ванского царства (колонизации Закавказья, походов на запад и пр.), не говорится об осаде города Тушпы Саргоном; неверно утверждение, что в 713 г. до н. э. Ванское царство превратилось в ассирийскую провинцию (стр. 237).

Понимание причин исторических событий не отличается глубиной. Например, указывается, что мятежи в Ассирии были вызваны тяжелой эпидемией и... затмением солнца (стр. 241).

Вовсе не затрагивается вопрос о развитии военной техники ассирийцев в VIII в., сыгравшей такую значительную роль в их дальнейших завоеваниях.

Таковы главные замечания, которые вызывает изложение автора. Возвращаясь к вопросу, который был поставлен в начале рецензии о задачах и содержании «Введения в изучение истории», мы должны признать, что книга Деляпорта не разрешает этих задач удовлетворительным образом ввиду тех особенностей ее, о которых подробно было сказано выше: беспроблемности, недостатка руководящих идей, известной примитивности исторического метода, нагромождения деталей, отсутствия элементов историографии, недостатка критики источников (например, библейской или ранней литературной традиции по истории Южной Месопотамии). Автором мобилизован огромный материал, но результаты получились сравнительно незначительные. Все же рецензируемая работа имеет большое значение, как первый опыт краткого введения в историю древнего Востока, охватывающий историю государств Передней Азии с подробной, хотя и неравномерно составленной, библиографией. Ценными являются систематизированные данные о новейших раскопках, которые сообщает автор. Книга представляет удобный компендиум по внешней истории стран Востока, но ее скорее можно использовать для справок при специальной работе по истории какого-либо государства или периода в истории древнего Востока, чем как «Введение» для начинающего знакомиться с наукой.

К. Зельин

Новые эпитафические находки в Афинах

Из всего эпитафического материала, опубликованного за последние годы, наиболее интересны надписи, найденные при раскопках на Афинской агоре и на склонах Акрополя. Эти раскопки производились в очень широком масштабе Американским археологическим институтом в Афинах (The American School of Classical Studies) в 1930—1935 гг. Результаты этих раскопок печатаются в роскошно изданном журнале «Hesperia». К сожалению, первые номера этого журнала, содержавшие чрезвычайно интересные надписи, до сих пор не получены в Ленинграде, и о содержащемся в них

материале я могу судить только по замечаниям в различных филологических журналах.

Быть может, наибольшую сенсацию произвело нахождение очень большого числа черепков, применявшихся при остракизме, с именем Фемистокла. До этих раскопок были известны лишь два черепка с этим именем. На обоих этих черепках, как и на надписи в честь хорегии Фемистокла, он назван только по дему (Φρεάρριος) без отчества. Отсюда Домашевский в его замечательном исследовании о Фемистокле (A. v. Domaszewski—Die attische Politik in der Zeit der Pentekontaetie, Stzgsb. d. Heidelb. Ak. d. Wiss., 1925, стр. 5) сделал вывод, что с точки зрения закона Фемистокл вовсе не имел отца, так как он был незаконнорожденным.

Данные новых раскопок показали, однако, неправильность этой теории, так как на найденных теперь черепках Фемистокл чаще называется по отчеству, чем по дему.

Эти черепки были найдены на склоне Акрополя, в колодце, далеко от агоры, где производилось голосование, на большой глубине (13—15 м). Здесь 191 черепок, все только с именем Фемистокла. Они находились вместе и чрезвычайно сходны друг с другом: они представляют собой круглые доньшки совершенно однотипных сосудов («скифосов») с аккуратно начертанным по кругу именем Фемистокла, чрезвычайно схожие друг с другом и, очевидно, написанные сравнительно небольшим числом людей. Трудно допустить, чтобы черепки после голосования были унесены с агоры на большое расстояние и здесь выброшены; но если бы это даже было так, то, конечно, имена пазных лиц, предложенных к остракизму, были бы перемешаны между собой. Между тем, здесь не встречается никаких имен, кроме Фемистокла; равным образом здесь нет ни одного черепка от простого глиняного горшка. Отсюда издатели справедливо заключают, что эти черепки были изготовлены впрок, но остались не использованными для остракизма. Очевидно, враги Фемистокла изготовили в каком-нибудь «партийном» клубе аккуратные черепки, из особенно красивого материала и изящно исполненные, для раздачи гражданам; таким образом, наше представление, что имена на черепках всегда писались тут же на агоре во время голосования, оказывается неверным.

Есть все основания полагать, что эти черепки предназначались не для голосования в конце 70-х годов, когда Фемистокл был изгнан, а для голосования в 483/2 г., когда аристократы писали имя Фемистокла, демократы—имя Аристиды, а какая-то третья группа—имя Калликсена, сына Аристонима, нам совершенно неизвестного. Это видно из следующего: на самой агоре, где происходило голосование, американцы нашли также большое число черепков, но здесь лежали вперемежку черепки с именами Фемистокла, Аристиды и Калликсена. Эти черепки, очевидно, относятся к голосованию, когда был изгнан Аристид, т. е. к 483/2 г., так как в конце 70-х годов, после возвращения из изгнания, Аристид уже не был политически опасен и вторично изгонять его не было смысла: он сошел со сцены, как вождь политической группы. Между тем, среди черепков, найденных на агоре, имеются три с именем Аристиды, один—с именем Фемистокла и несколько с именем Калликсена, написанных как раз таким же образом на доньшках скифосов; такое же доньшко представляет собой и черепок с именем Ксанфиппа, изгнанного за год до этого, в 484 г. Это дает право отнести к той же дате и 191 черепок с именем Фемистокла, изготовленный на склоне Акрополя.

Черепок с именем Кимона, сына Мильтиада, из грубой горшечной глины, гораздо более примитивного вида, найден в том же колодце, что и указанные 191 черепок, но на совершенно другой глубине (6,5 м, следовательно, на 8 м выше, чем те черепки), и поэтому никакого отношения к тем черепкам не имеет (Кимон был изгнан в 461 г.).

Отметим еще, что сухая формула на черепках иногда варьируется. После имени и отчества Фемистокла на четырех черепках еще написано: ИТО, «пусть убирается»¹.

¹ См. журнал «Hesperia», II, 1933, стр. 460; V, 1936, стр. 39; VII, 1938, стр. 228. А. Я., 37, 1933, стр. 296; 42, 1938, стр. 13.

Далее найден новый отрывок знаменитого афинского декрета о выводе афинских клеруков на остров Саламин. Этот декрет издан под № 1 в I томе editio minor собрания IG, вышедшем в 1925 г.

Автором этой статьи было предложено несколько новых чтений к этой надписи. Так как они были получены Гиллером фон Герtringеном, издателем IG, уже после напечатания № 1, издатель, принявший предложенное мною чтение последней строки, включил его в Addenda. Мои поправки были обоснованы в «Докладах Российской Академии наук» за 1924 г. стр. 134 сл., в «Klio» (XXI, 1926, стр. 68 сл.) и, наконец, в «Hermes» (62, 1928, стр. 270 сл.); затем эти дополнения вошли в SEG за 1927 г. т. III, № 1) и в сборник M. N. Tod—A Selection of Greek Historical Inscriptions, 1933, № 11.

Последняя строка этой надписи заключала датировку. Гиллер дополнял ее так:

$$-εν : [ἐπ]ι τῆς β[ολᾶς τῆς πρῶτης]^1$$

Такого рода формула не встречалась до сих пор в греческой эпиграфике; в частности, афинские надписи датируются или по архонту или по секретарю совета, но не по номеру созыва совета.

Гиллер видел в этом дополнении только «Notausweg», так как всякое другое дополнение оказывалось слишком длинным для оставшегося на камне места. Предложенное мною дополнение точно соответствовало оставшемуся свободному месту и в то же время представляло собой обычную датировку по архонту в довольно часто встречающейся форме:

$$-εν : [ἐπ]ι τῆς Β [.....ἀρχῆς]^2$$

Поэтому Гиллер отказался от своего дополнения и предпочел ему мое. В качестве одного из возможных имен архонтов он предложил читать Βολαρχίδο. Вновь найденный отрывок оказывается чрезвычайно подходящим для моего дополнения: он относится как раз к последним строкам и содержит для предпоследней строки давно уже дополненные буквы $\nu\tau$, а для последней на расстоянии одной буквы от конца прежде известной части две буквы $\lambda\epsilon$. К сожалению, Швейгерт (E u g e n e S c h w e i g e r t), издавший этот отрывок, оказался совершенно не в курсе вопроса об этой надписи. Он полагает почему-то, что мое дополнение требует значительно большего числа букв, чем дополнение Гиллера, а так как новый обломок показывает, что после букв $\lambda\epsilon$ остается место максимум для 10 букв, то он и считает, что этим самым мое дополнение отпадает. Если бы он дал себе труд сосчитать число букв в моем дополнении после $\lambda\epsilon$, то убедился бы, что в нем ровно 10 букв. Далее, дополнение Βολαρχίδο было предложено Гиллером лишь в качестве примера для пояснения моего восстановления надписи. Буквы $\lambda\epsilon$ на новом обломке прекрасно подходят к моему дополнению. В греческом языке имеется целый ряд имен, начинающихся на Βολε... и точно соответствующим по своей длине числу мест в конце последней строки. Например, Β[ο]λε[κ]λέος (см. Prosopographia Attica, I, № 2914, начала IV в.), Β[ο]λεκρίος; поместится также и имя Β[ο]λεκράτος.

Впрочем, как правильно указал Тод (о. с., стр. 14), прекрасно подойдут и более короткие имена, как, например, Β[ο]λείδο, Β[ο]λε[υ]τῶ и т. д., так как последняя строка вовсе не должна была быть заполнена до конца.

Замечание Швейгерта о том, что порядковое числительное здесь очень кстати и что такая датировка очень подходит к периоду реформ Клисфена, свидетельствует только о его неопытности: при дополнении формул надписей руководятся не соображениями логики, а наличием аналогичных формул, засвидетельствованных в других над-

¹ «Это было постановлено при первом совете».

² «Это было постановлено в архонтат Б...»

писях. Впрочем, на вопросе дополнения этой строки я останавливался подробно в моих указанных выше статьях и, так как заметка Швейгерта не содержит ни новых фактов, ни новой аргументации, то мне нет нужды возвращаться к этому вопросу вторично. Таким образом, последняя строка читалась, примерно, так:

[ταῦτ' ἔδοχε]-
 εν : [ἐπ]ὶ τῆς Β[ο]λέ[κλειος ἀρχῆς].

Еще интереснее надпись, найденная там же и опубликованная впервые в 1937 г. (см. «Ath. Mitteil.», 57, 142; 59, 252; «Hermes», 68, 353; «Class. Quarterly», 32, 1938, стр. 80). Она относится к 446 г. и представляет собой эпитафию на могиле погибших в Коронейской битве. Надпись сохранилась хорошо и к тому же написана στοιχηδόν, т. е. так, что буква написана под буквой, так что всегда можно определить число утраченных букв. Поэтому дополнение ее никаких решительно трудностей не представляет. Однако эта элегия написана умышленно трудным поэтическим языком религиозно-мистических стихотворений, и поэтому перевод ее представляет большие трудности. Я считаю необходимым, поэтому, дать здесь как текст, так и прозаический перевод.

Τλέμονες, ἠοῖον ἀγῶνα μάχης τετέλεσαντες ἀέλπ[το]
 φουχὰς δαιμονίος ὀλέσαστ' ἐμ πολέμοι.
 οὐ κατὰ δ[υσ]μνή[σ]ο]ν ἀν[δ]ρῶν σθένος, ἀλλὰ τις ἡμᾶς
 ἡμιθέον θεῖον [ἔς ἠοδὸ]ν ἀντιάσας
 ἐβλάψασεν· πρόφρον[γάρ ἠὲ πέφρα]θε «δύσμαχον ἄγραν
 ἐχθροῖς θερεύ(ται)ς»¹, [θέσφατον ἠ]ομητέροι
 σὺν κακῷ ἐχσετέλεσσα· βροτοῖσι δὲ πᾶσι τὸ λοιπὸν
 φράζεσθαι λόγιον πιστὸν ἔθεξε τέλος.

Перевод:

«Жестокосердые! Совершив такое ужасное состязание безнадежной войны, вы по воле богов погубили ваши души в бою. Не сила недругов вас погубила, но кто-то из полубогов, выйдя к вам навстречу на священную дорогу, повредил вам. Благоклонный к вам, он предсказал вам, что «будет трудной добыча для вражеских охотников», и вам на горе выполнил это предсказание. Он показал, что пророчество сбывается, дабы все люди впредь утверждали это».

Для понимания этой надписи необходимо привести свидетельства Фукидида и Плутарха об этом сражении.

Фукидид, I, 113 (в 446 г.): «Беотийские изгнанники заняли Орхомен, Херонею и некоторые другие пункты Беотии. Афиняне выступили в поход против этих враждебных им городов в числе тысячи своих гоплитов с отдельными отрядами союзников; стратегом был Толмид, сын Толмея. Взявши Херонею, обратив жителей ее в рабство и поставив там гарнизон, афиняне отступили. На пути подле Коронеи напали на них беотийские изгнанники из Орхомена вместе с локрийцами, еврейскими изгнанниками и всеми единомышленниками их; они одолели афинян в сражении, причем одних перебили, других взяли в плен. Афиняне вышли из всей Беотии, заключив договор... Беотийские изгнанники возвратились на родину, и... беотяне вновь стали автономными».

Плутарх (Перикл, 18) указывал еще на то, что это был поход добровольцев и что Перикл был недоволен этим походом: «Перикл заметил, что Толмид, сын Толмея, возомнил о себе вследствие прежних военных удач и вследствие того, что эти удачи сделали его чрезвычайно знаменитым. Он стал готовиться в самый неблагоприятный момент вторгнуться в Беотию и убедил знатнейших и честолюбивейших

¹ θερεύταις исправлено по контексту: чтение надписи θερεύσας не дает удовлетворительного смысла.

из людей в самом цветущем возрасте отправиться с ним добровольцами в этот поход. Их набралась тысяча человек, не считая других сил. Перикл пытался в народном собрании удержать и уговорить его, сказав свои достопамятные слова: «Если ты не хочешь слушаться Перикла, то ты во всяком случае не ошибешься, выждав мудрейшего из всех советников—время». Тогда это изречение не доставило ему большой славы, но спустя несколько дней, когда в Афинах получилось известие, что погиб и сам Толмид, потерпев поражение в бою, и многие доблестные граждане,—это изречение доставило Периклу большие симпатии и популярность, так как он выказал себя рассудительным и патриотически настроенным гражданином».

Вновь найденная надпись показывает, что Плутарх восходит к хорошему источнику, тогда как Фукидид, очевидно, замалчивает неудобные подробности: она подтверждает и то, что поход был предпринят добровольцами, и то, что были влиятельные группы, не сочувствовавшие этому походу. Кто бы ни поставил эту надгробную надпись—правительство или друзья покойных—ясно, что они относятся с неодобрением к участию их в походе. Мы видим даже, что была, повидимому, сделана попытка (вероятно, со стороны беотийского жречества) инсценировать появление на священной дороге (т. е., вероятно, на дороге, ведущей в храм Афины Итонии) призрака героя, предупреждающего афинян об ожидающем их поражении. Выражение «жестокосердые» уместно лишь в случае добровольного похода. «Безнадежная война» напоминает «самый неблагоприятный момент» Плутарха. Пропаганда веры в предсказания показывает, что были уже значительные круги граждан, не веривших в них; она напоминает нам очень близкие места из «Эдипа-царя» Софокла и из Геродота. По мнению Боура, надпись написана в лаконском стиле. Все это делает понимание классовой и партийной ситуации в этот момент чрезвычайно затруднительным.

С. Я. Лурье

«Троян» в «Слове о полку Игореве»*)

(К истории вопроса в науке)

В истории попыток расшифровки образа «Трояна» в «Слове о полку Игореве» можно наметить четыре основных направления: мифологическое, символическое, историко-литературное и историческое. Не ставя своей задачей сейчас подробный обзор всех высказываний по этому вопросу, отмечу только, что, в главном, мифологическое направление в нашей науке представлено Буслаевым, Квашниным-Самариным, Барсовым; второе, символическое—Н. Полевым, Д. Дубенским, Бодянским, Забелиным, тем же Барсовым, М. Данилевским, Потемной, Н. И. Костомаровым, Огоновским, А. В. Лонгиновым, Гр. Ильинским, Шляковым; третье, историко-литературное—П. П. Вяземским, Вс. Миллером, А. Н. Веселовским, А. Н. Пыпиным; четвертое, историческое—Карамзиным, М. А. Максимовичем, отчасти О. Огоновским, М. С. Дриновым, Н. П. Дашкевичем и др.

Мифологическое направление, в лице проф. Буслаева, исходило в истолковании образа «Трояна» в «Слове о полку Игореве» из данных южнославянского фольклора, из сказочных преданий и поверий болгар и сербов о некоем царе Трояне, представляющем собою, по толкованию Буслаева, мифическое существо. В этих преданиях проф. Буслаев видел тот единый, общий эпический цикл, из которого и наш Боян черпал свои песни о веках и земле Трояновой. В этих преданиях «царь Троян», подобно фригийскому Мидасу, выступает с козлиными ушами, какие бывали у классических

*) Отрывок из доклада автора (в сокращенном изложении), прочтенного в пленарном заседании Института этнографии 11 июня 1938 г.